

ученых, что также вызывало раздражение. По словам Пионтковского, среди московских историков старой формации Бахрушин в наибольшей степени готов был сотрудничать с новыми властями. В то же время «он очень упорно отказывается от нашего руководства, — сетовал историк-марксист, — и всеми силами пытается держать свою линию»¹. Как казалось Пионтковскому, Бахрушин, благодаря своим деловым качествам, превратился чуть ли не в лидера историков «старой школы», и сам «красный профессор» испытывал к нему открытую неприязнь. «Если Валк — сукин сын, то Бахрушин гораздо хуже, потому что тоньше»², — писал он. Очевидно, что в таких условиях московским историкам «старой школы» не приходилось быть уверенными в устойчивости своего положения.

2. Исследования С.В. Бахрушина

На 1920-е гг. приходится важнейший этап научного творчества Бахрушина. Если в предыдущие годы он только подходил к решению крупных исторических проблем, то теперь перед нами уже был зрелый и знающий исследователь. Бахрушин был самым молодым из рассматриваемых историков, поэтому целостного научно-исторического мировоззрения к этому времени он еще не успел выработать. Не случайно, что эти годы отмечены идейными и методологическими исканиями. В 1921 г. Бахрушин писал: «Протекшие четыре года заставили произвести переоценку всех ценностей и многого, что раньше боготворилось...»³. В эти годы он пытался переосмыслить существовавшие исторические схемы. В 1918 г. в Обществе истории и древностей Российских был сделан доклад «Ломка, произведенная событиями последнего года в наших представлениях о ходе русского исторического процесса». В нем он говорил: «События последнего года разбили эти наши представления о ходе русской истории. Государство... оказалось плохо спаянным... Народности, входившие в состав Российской империи, оказалось... жили каждая своей жизнью. Все здание „государства Российского“ рухнуло при первом ударе... В сущности, русская культура оказалась легким и поверхностным наслоением, под которым продолжают жить дикость и невежество...»⁴. Методологическая рефлексия способствовала выработке собственного мировоззрения. Наиболее цельно его понимание ремесла историка выражено в небольшой лекции, датируемой издателями научного наследия историка

¹ Там же. С. 177.

² Там же. С. 261.

³ Цит. по.: *Дубровский А.М.* С.В. Бахрушин и его время. М., 1992. С. 47.

⁴ Там же. С. 51.

концом 1920-х гг. По замечанию А.М. Дубровского: «В целом содержание беседы Бахрушина ценно тем, что автор ясно сформулировал в ней свои исследовательские позиции, представления о принципах работы историка»¹.

По мнению Бахрушина, в исторической науке можно выделить три типа научного исследования: «1) работы, включающие в себя критический анализ исторических источников, 2) работы, имеющие целью установить и описать исторический факт, и 3) наконец, работы, ставящие себе целью обобщение отдельных фактов для установления известной правомерности исторических явлений»². Каждый из этих типов является неотъемлемой частью историописания, но при этом историк предостерегал доводить их до абсурда, абсолютизируя значение того или иного типа. Знание источников и фактов должны органично сочетаться с концептуальными обобщениями. При этом только те теории имеют право на жизнь, которые основываются на научно проверенных фактах. «Часто схема, по существу своему совершенно правильная, по недостатку знакомства с фактами приводит к выводам совершенно неверным и даже противоречащим самой схеме»³, — замечал ученый. Историческое описание фактов ученый признавал самодовлеющей частью изучения прошлого. Но описательность, по мнению Бахрушина, не умаляет значения истории как науки, поскольку значительный элемент описательности присутствует и в таких науках, как география или ботаника. «Любой исторический материал может и должен быть подвергнут изучению вне зависимости от каких-либо общих заданий и предпосылок»⁴, — считал ученый. Описание должно быть основано на критически проверенных источниках: «Не просто излагать факт, а восстанавливать факт должно историческое описание путем критической проверки и сопоставления различных документов»⁵.

Несмотря на признание огромного значения фактической стороны исторического исследования, Бахрушин отмечал, что в итоге вершиной исторического знания является обобщение. Для обозначения понятия «обобщение» историк также использовал термины «социологические построения» и «идеальные типы». Последнее свидетельствует если не о влиянии на историка работ М. Вебера, то, во всяком случае, о знакомстве с ними. В историографическом контексте это следует связать с влиянием

¹ Дубровский А.М. Предисловие // Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 10.

² Бахрушин С.В. Беседа об исторической науке // Там же. С. 80.

³ Там же. С. 82.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Там же. С. 86.

Д.М. Петрушевского, пропагандировавшего данные идеи в своем известном труде «Очерки из экономической истории средневековой Европы» (М.: Л., 1929). У Бахрушина были тесные отношения с Петрушевским, более того, он считал его одним из своих учителей.

Ученый полагал, что для построения обобщений приемлемы как метод индукции, так и метод дедукции: «Одни, более осторожные, работают индуктивно, другие дедуцируют свои выводы из общих предпосылок, но это разница метода, а не разница цели»¹. Признавая значение обобщений в научном знании, исследователь, тем не менее, совершенно справедливо отмечал и то, что концепции «являются продуктом среды и эпохи, в которой живет историк»². К сожалению, в работах Бахрушина нет рассуждений о том, насколько полученное знание является истинным и независимым от влияния современности.

В понимании историка описательная и теоретическая стороны исследования тесно переплетаются. Описательные исследования должны служить источником для социологических обобщений, но при этом ученый указывал на то, что «социология не должна диктовать истории своих тем, не должна предписывать заниматься тем или иным вопросом потому, что иначе ей грозит опасность получить неполный материал и выводы, которые она сделает из него, будут односторонними»³. Несколько разделяя (но не окончательно) историю и социологию, Бахрушин во многом отходил от традиций, заложенных В.О. Ключевским, который выделял специальное направление, «историческую социологию»⁴. Тем не менее не соглашался он и с мнением, характерным для Петербургской школы, о четком разделении целей и задач этих наук⁵.

В заключение своей лекции об исторической науке Бахрушин высказал важную мысль о том, что «история не только наука, но и искусство»⁶. Безусловно, такое понимание истории шло от В.О. Ключевского, лекции и работы которого славилась не только смелостью и обоснованностью научной мысли, но и высокой художественностью.

Большинство исследователей творчества Бахрушина считают, что в 1920-е гг. он начинал активно осваивать марксизм. И действительно, на это указывают и многие коллеги историка. Сложно сказать, как это отразилось на творчестве историка в 1920-е гг., поскольку напрямую

¹ Там же. С. 82.

² Там же. С. 84.

³ Там же. С. 85.

⁴ Попов А.С. Школа Ключевского: синтез истории и социологии в российской историографии.: Автореф дисс. ... д-ра истор. наук. Пенза, 2002.

⁵ Например: Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. Ростов-на-Дону, 2000. С. 7.

⁶ Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 86.

в методике исторического исследования это не проявлялось. В рассмотренной выше лекции об исторической науке влияния марксизма не прослеживается. Однако, в эти годы он с большим интересом относится к работам Н.А. Рожкова, который считался марксистом. В 1930 г., уже будучи в ссылке в Семипалатинске, он признавал большое влияние Рожкова на свое понимание российской истории. В частности, это проявилось в его «Краткой схеме русской истории до XVII в.»¹.

В ней он описал свое понимание русского исторического процесса. Он писал, что появившиеся в VIII–IX вв. славяне занимались охотой, рыболовством и собирательством. С появлением Киевского государства эти формы хозяйствования остались доминирующими. Бахрушин отрицал большое значение торговли в развитии древнерусского общества, пересмотрев тем самым концепцию своего учителя В.О. Ключевского, писавшего о торговой Руси. В этом вопросе он принял точку зрения Рожкова, также отрицавшего торговлю как главный фактор развития древнерусской экономики². В дальнейшем, по мысли Бахрушина, с конца X в. в «экономической жизни Приднепровья намечается определенный сдвиг в сторону развития земледелия»³. В этом он, вслед за Рожковым, видел естественный ход развития всех народов.

Развитие сельского хозяйства привело к формированию крупного вотчинного землевладения, которое становится основой процесса феодализации Древней Руси в XII — начале XIII в. «Расцвет русского феодализма, — писал историк, — относится ко второй половине XIII в., к XIV в. и к половине XV в.»⁴. Спецификой феодализма историк считал натуральный характер хозяйства. При этом он не отрицал торгового обмена, который к концу XV — началу XVI в. разрушил хозяйственный строй феодальной эпохи⁵. В XVI в. создается поместная система, ставшая основой «сословно-крепостнического государства». Эта эпоха внешне похожа на феодализм, но феодальные институты в нем подчинены государству, что наполняет их новым содержанием. Окончательно эта система, построенная на господстве дворянства и «государевых посадских людей», выкристаллизовалась после Смутного времени⁶. Бахрушин признавал универсальность для мировой истории данной схемы. Заметим, что и здесь ученый идет за Рожковым, который также связывал переход

¹ *Краткая схема русской истории до XVII в.* // Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии... С. 197–199.

² *Рожков Н.А.* Город и деревня в русской истории. СПб., 1902. С. 4–8.

³ *Краткая схема русской истории до XVII в.* ... С. 197.

⁴ Там же. С. 198.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 199.

к феодализму со сменой форм экономики¹. Таким образом, мы вправе отметить весьма значительное влияние Рожкова на историческую схему Бахрушина. В этом проявилась попытка последнего пересмотреть концепцию Ключевского, которая, по мнению историка, не смогла объяснить случившуюся революцию.

Кроме официальной работы, историки «старой школы», к которым теперь принадлежали и Готье, Веселовский, Яковлев и даже относительно молодой Бахрушин, активно участвовали в развернувшемся более или менее независимом научно-просветительском краеведческом движении².

Особенно заметен в нем был Бахрушин. Он был одним из учредителей Общества изучения Московской губернии, заведовал его культурно-исторической секцией, избирался председателем ее президиума (20 октября 1926 г. — 10 февраля 1928 г.)³. Центральной задачей краеведческого движения (краеведного, как говорилось тогда), с точки зрения историка, было изучение Московского уезда как историко-культурного и экономического феномена. Особый интерес представляет программная статья ученого об историко-краеведческой работе, которая прозвучала в качестве центрального доклада на III краеведческой конференции в Москве, проходившей 11–14 декабря 1927 г.⁴ Историк обоснованно указывал на тесную связь между современным изучением края и знанием его истории. «Важность исторического перехода к изучению края в его современном состоянии выступала всегда особенной очевидностью всякий раз, когда приступали к научному обследованию страны по районам»⁵. Автор отмечал волну интереса к истории края в современную ему эпоху. Он связывал это с ростом местного самосознания, произошедшего в результате вовлечения масс в конкретно-исторический процесс в ходе революции. Но в то же время историк считал, что историческое краеведение отвечает не только задачам воспитания, но и отвечает потребностям развития

¹ Подробнее о понимании феодализма Н.А. Рожковым см.: *Волбуев О.В.* Феодальная революция в трактовке Н.А. Рожкова // *Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки.* 2009. № 4. С. 124–130.

² См.: *Шмидт С.О.* Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов // *Шмидт С.О.* Памятники письменности в культуре познания истории России.: В т. 2: От Карамзина до «арбатства» Окуджавы. Кн. 1. М., 2009. С. 128–142.

³ *Филимонов С.Б.* С.В. Бахрушин — член Общества изучения Московской губернии (области) // *АЕ* за 1982. М., 1983. С. 211–212.

⁴ Там же. С. 214; НИОР РГБ. Ф. 177 (Московское областное бюро краеведения). К. 39. Ед. хр. 9. Первоначально доклад назывался «Историческое обследование отдельных областей».

⁵ *Бахрушин С.В.* Задачи исторического изучения края // *Краеведение.* 1928. № 3. С. 130.

исторической науки. Он писал: «Только предварительное изучение во всех деталях отдельных районов может дать для дальнейших обобщений прочное основание, без которого невозможно строгие научные выводы»¹. В этой мысли можно увидеть преддверие крепнущего сейчас направления «исторической регионалистики», целью которого является изучение истории страны через анализ региональной истории. Сам историк на практике реализовывал свои идеи, изучая колонизацию Сибири, как особого региона России.

Развивая эту идею, Бахрушин выразил свое понимание методики исторического исследования: «Все больше крепнет сознание, что прошлая жизнь слишком сложна, слишком многогранна, чтобы ее можно было изучать с птичьего полета...»². Он призвал отказаться от выводов, построенных на «пестрых фактах, вырванных из общей связи». Например, в который раз признавая колонизацию важнейшим явлением русской истории и отдавая приоритет в ее осмыслении Ключевскому, он утверждал, что «понять ход колонизации мы сможем только тогда, когда документально изучим историю каждого населенного пункта, когда обследуем речные пути, соберем и занесем на карту историко-географические названия и разберемся в археологических остатках...»³. Тем не менее автор не смешивал историческое краеведение и собственно историческую науку. «Краевед тем отличается от обычного типа историка, что он может и должен соединять архивные изыскания с обследованием местности изучаемых им исторических явлений, точнее говоря, исходит в своих архивных работах от географии местности, а не наоборот»⁴, — считал ученый. Краеведческие исследования имеют и практическую значимость, утверждал Бахрушин. Например, он рекомендовал использовать наработки краеведов в планировании колонизационной политики⁵. Очерчивая круг задач краеведческого движения, историк считал, что краеведение должно изучать: «а) историю населения края, его движения социального состава и расселения в различные эпохи; б) историю отдельных населенных пунктов; в) историю промыслов и фабрик; г) историю сельского хозяйства; д) торговые пути и историю торговли; е) историю местного быта; ж) названия местных урочищ; з) поверья, легенды, предания»⁶. Заметим, что мысли о необходимости изучения региональной истории, тем самым добывая «большой исторической науке» необходимые факты, соответствовали эволюции представителей младшего

¹ Там же. С. 131.

² Там же.

³ Там же. С. 132.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 133.

⁶ Филимонов С.Б. Указ. соч. С. 214.

поколения Московской исторической школы в сторону сужения тематики для более обоснованного решения исторических проблем.

Крупнейшим историко-краеведческим сочинением Бахрушина стал очерк истории Московского уезда. Говоря об уникальности данного региона, автор связывал ее, в первую очередь, с близостью Москвы, утверждая, что столица определила характер развития Подмосковья¹. Обращаясь к древнейшим периодам, автор традиционно отметил определяющую роль колонизации в освоении края. Он выделил три исторических субъекта колонизационных процессов: крестьянство, церковь и князей. Причем князья представлялись ему наиболее богатыми, а следовательно, и наиболее активными. Именно их усилиями в первую очередь был заселен регион. Бахрушин повторил мнение И.Е. Забелина о том, что Москва первоначально была княжеским хозяйственным селом². «...Московский уезд в феодальную эпоху (XIV–XV вв.) в значительной мере носит черты большого частновладельческого имения с развитым вотчинным хозяйством»³. С переходом от феодализма к «торгово-капиталистическим» отношениям, Москва превращается в крупный торговый центр, вовлекая в торговлю Московский уезд, в котором княжеские села превращаются в торговые пригороды⁴. Уезд окончательно, по мнению историка, начинает обслуживать нужды столицы. Важным процессом в истории Подмосковья Бахрушин рисовал оседание служилого дворянства вокруг Москвы. Это предопределило облик уезда в XVIII в., создав основу для появления блестящей дворянской усадебной культуры. Но знаменитая усадебная культура, с оригинальной точки зрения автора, появилась отнюдь не в XVIII в. Ее прообразом он видел царские усадьбы XVII в.: «...Уже в XVII в. сложился под Москвою тот тип подмосковных усадеб с их пышностью обстановки и сложностью хозяйственных предприятий... По существу этот тип был порождением именно условий XVII в., когда пребывание двора в Москве должно было способствовать образованию в ближайших ее окрестностях летних резиденций как лиц, связанных с двором службой и личными отношениями, так и самой царской семьи»⁵.

В XVIII в. зависимость уезда от Москвы только усилилась. Промышленное развитие города способствовало промышленному буму и в регионе, формируя густую сеть кустарных промыслов и привлекая жителей Подмосковья приезжать на заработки в город. Но реальный промыш-

¹ Бахрушин С.В. Исторический очерк Б. Московского уезда // Московский краевед. 1930. Вып. 5. С. 50.

² Забелин И.Е. История города Москвы. М., 2008. С. 33.

³ Бахрушин С.В. Исторический очерк Б. Московского уезда... С. 54.

⁴ Там же. С. 55.

⁵ Там же. С. 63.

ленный переворот произошел в крае после отмены крепостного права. С этого времени Московский уезд вступил в новую эпоху своего развития. Это изменило и его землевладельческий облик: дворянские земли стали быстро переходить в руки буржуазии¹.

В очерке Бахрушин последовательно придерживался концепции определяющего влияния города на его пригороды (так называемый градоцентрический подход). Это привело к преувеличению роли Москвы как единственного источника развития пригородов. Альтернативой этому подходу был так называемого земско-уездный подход (работы начала XX в. В.А. Левицкого, П.Н. Дурилина и др.), где эволюция пригородов рассматривалась через призму борьбы двух укладов, городского и сельского. В последнее время наиболее перспективным признается синтетический подход, где город и пригороды рассматриваются как единый комплекс². Кроме написания собственно историко-краеведческих работ, Бахрушин принимал участие в редактировании некоторых краеведческих изданий³.

Но методологические штудии и организация краеведческого движения были лишь фоном конкретно-исторических исследований, хотя и важным. Центральной темой исторических исследований Бахрушина стала история Сибири. Интерес к данной проблематике появился еще в дореволюционное время. Надо отметить, что насущная необходимость изучения Сибири была тогда очевидна. Например, с изучением истории этого региона хотел связать свою судьбу Г.В. Вернадский⁴. Так что эта тема буквально «висела в воздухе». Сначала Веселовский указал Бахрушину на комплекс документов Сибирского приказа. Следующим шагом в развитии сибиреведческой темы стала для Бахрушина публикация статьи о «Сибирской истории» С. Ремезова⁵. В дальнейшем он публикует статьи о сибирских воеводах⁶, промышленном освоении Сибири⁷ других

¹ Там же. С. 77.

² Подробнее см.: Белов А.В. Интеграция пригородных поселений в урбанистическую структуру Москвы во второй половине XIX — начале XX века: Автореф. ... канд. истор. наук М., 1999. С. 3–7.

³ *Московский край в его прошлом. Очерки по социальной и экономической истории XVI–XIX вв.* М., 1928.

⁴ *Вернадский Г.В.* Из воспоминаний // ВИ. 1995. № 1. С. 135.

⁵ *Бахрушин С.В.* Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова // Исторические известия. 1916. № 3–4. С. 3–28.

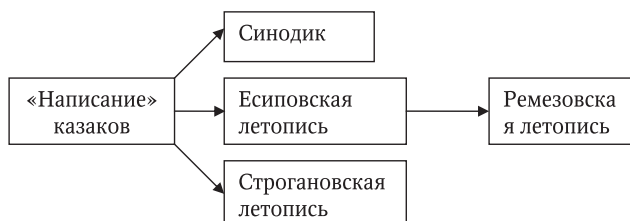
⁶ *Бахрушин С.В.* Воеводы тобольского разряда в XVII в. // Ученые записки Института истории РАН ИИОН. Вып. 2. М., 1927. С. 168–218.

⁷ *Бахрушин С.В.* Покрута на соболиных промыслах XVII в. // Труд в России. 1925. Кн. 1. С. 71–84; *Он же.* Торги гостя Никитина в Сибири и Китае // Труды Института истории РАН ИИОН. Вып. 1. М., 1926. С. 357–392; *Мангазейская*

проблемах. Историк-эмигрант А.А. Кизеветтер, хорошо знавший Бахрушина, писал в 1923 г.: «С.В. Бахрушин развил необычайную энергию в разработке архивных материалов по истории Сибири. Он, можно сказать, проконспектировал весь колоссальный архив Сибирского приказа... Из этого колоссального материала названный энергичный и талантливый исследователь извлек богатые данные по социально-экономической истории Сибири XVII в.»¹. Особую важность в наследии историка имеет история Сибири в контексте истории колонизации.

Колонизация — определяющее, с точки зрения историков Московской школы, явление русской истории. С этим был абсолютно согласен и Бахрушин. В этом ключе была написана статья о сибирских слободчиках². Обобщающей работой по истории сибирской колонизации стала специальная монография «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.». Готовая книга была сдана в издательство М. и С. Сабашниковых не позднее 1922 г. Но из-за нехватки средств ее напечатание все время откладывалось, поэтому книга была опубликована только в 1928 г.³

Монография состояла из нескольких очерков. Первый из них был посвящен историографии вопроса. В первую очередь автор рассмотрел сибирское летописание как историографический источник. В итоге он заново проанализировал генезис сибирского летописания, и у него получилась такая схема⁴.

Следующий историографический этап ученый начинал с XVIII в., очевидно, связывая его с переходом от летописания к собственно историческому исследованию. Автор не задавался целью дать исчерпывающий

мирская община в XVII в. // Северная Азия. 1929. Кн. 1. С. 50–65; Кн. 2. С. 83–110 и др. Анализ статей см.: Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время. М., 1992. С. 57–72.

¹ Кизеветтер А.А. Научно-историческая литература в современной России... С. 43.

² Бахрушин С.В. Сибирские слободчики // Труды Государственного колониального института. Т. II. М., 1926. С. 127–138.

³ Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время... С. 58–59.

⁴ Подробнее см.: Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время... С. 61–62; Он же. Сергей Владимирович Бахрушин (1882–1950) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 1: Отечественная история. СПб.; Иерусалим, 2000. С. 198.

очерк сибиреведческой литературы. В его задачи входило выделение наиболее значимых исследований и основных тенденций. Начальный период научного изучения Сибири автор связывал с путешественниками, исследовавшими регион в первой четверти XVIII в.

Новый этап изучения Сибири Бахрушин соотносил с появлением трудов Г.Ф. Миллера: «Значение трудов Миллера заключается не только в широте охватываемого им периода, но и в глубокой их научности»¹. Заслугу немецкого историка Бахрушин видел в том, что тот основывал свои выводы исключительно на источниках. Автор считал, что у Миллера даже сложился «культ источников»². Работу Миллера «Описание Сибирского царства» автор ценил весьма высоко: «Он создал скелет сибирской истории, бесхитростную схему, разобрав и связав в одну последовательную нить разрозненные, нередко запутанные факты, и сделал это в то время, когда подобной работы еще не было произведено в области русской истории в целом»³. В дальнейшем влияние работ Миллера на разработку сибирской истории, по мнению Бахрушина, было огромным.

Значительное внимание ученый уделит работам историка XIX в. П.А. Словцова. Он отметил глубокие знания исследователя по истории Сибири. Основной его заслугой автор видел разработку дальнейшего плана изучения региона, в частности осознание необходимости анализа дел Сибирского приказа⁴. Это задачу частично решил Н.Н. Оглобин, выпустивший в 1895–1901 гг. «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа». Эта работа показала, как много неизученного архивного материала осталось⁵. Именно анализ проблемы на основе новых архивных документов — главный принцип работ Бахрушина по истории Сибири. Историографический очерк сыграл важную роль в эволюции научно-исторической литературы о Сибири. По мнению В.Г. Мирзоева и А.М. Дубровского, историк стал основоположником историографии Сибири как самостоятельной дисциплины⁶.

Второй очерк освещал пути в Сибирь. Автор скрупулезно проследил направление движения русских путешественников, промышленников, колонистов и т. д. Тщательное рассмотрение вопроса было связано не только со слабой изученностью проблемы, но и с основной целью исследователя — осмыслением истории сибирской колонизации. В этой связи направления проникновения русских в Сибирь представлялись крайне

¹ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. III. Ч. 1. С. 55.

² Там же. С. 56.

³ Там же. С. 62.

⁴ Там же. С. 64–69.

⁵ Там же. С. 70.

⁶ Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время... С. 63.

важными для изучения. Бахрушин разделил продвижение колонистов на два этапа: проникновение за Урал и в Восточную Сибирь. Подводя итоги, автор писал: «Легко усмотреть, что условия передвижения по этим путям мало отличались от тех, которыми задолго до открытия Сибири русскими их предки — славяне — расселились по Восточно-Европейской равнине...»¹. Иными словами, историк видел преемственность между разными этапами русского колонизационного процесса. По меткому замечанию А.М. Дубровского, историко-географический аспект сибирской истории привлекал Бахрушина в наибольшей степени. Интерес в этой области шел от занятий с М.К. Любавским².

Процесс освоения Сибири виделся историку следующим образом: «...Русское продвижение... происходило двумя способами. Впереди, из года в год ходившие на промыслы купцы и охотники проторивали дорогу, постепенно обраставшую промышленными слободками и зимовьями. Вслед за ними шел крупный предприниматель, обосновывался во вновь открытых землях и, пользуясь как базой основанным им в пограничных областях городком, продолжал захват территории»³. Таким образом, автор отдавал приоритет в освоении региона торгово-промышленному населению. В значительной мере стимулом продвижения в Сибирь стал возросший в XVI в. на европейских рынках спрос на пушнину. Первые попытки проникновения русского государства в регион автор относил ко второй половине XV в. Но только с середины XVI в. эти попытки приобрели планомерный характер⁴. Историк подчеркнул заслуги Строгановых в деле колонизации зауральских земель⁵. Поход Ермака Бахрушин расценивал как яркий момент в истории. Он «расшатал» Сибирское царство, но «сам по себе не привел к прочным результатам»⁶. В XVIII и первой половине XIX в. отмеченные выше тенденции продолжились. Купцы и промышленники продолжали оставаться главным двигателем освоения Сибири. Свой очерк Бахрушин довел до середины XIX в., когда на смену феодализму пришел капитализм, что способствовало изменению форм заселения и экономической эксплуатации сибирских богатств.

Отметим, что монография стала во многом итоговой работой историка. Она как бы венчала те систематические исследования сибирской истории, которые проводил ученый. Именно в ней наиболее отчетливо была представлена его концепция торгово-промышленного освоения Сибири,

¹ Бахрушин С.В. Научные труды... С. 136.

² Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время... С. 63.

³ Бахрушин С.В. Научные труды... С. 139.

⁴ Там же. С. 143.

⁵ Там же. С. 111, 142–143.

⁶ Там же. С. 145.

формировавшаяся, видимо, еще в дореволюционное время и окончательно сложившаяся в 1920-е гг. Его теория отвергала взгляд на «сибирскую эпопею» как завоевательные походы русского государства. Данный подход долгое время пользовался непререкаемым авторитетом. В дальнейшем появились новые подходы. Так, ученик Бахрушина, В.И. Шунков, выдвинул концепцию крестьянского освоения Сибири¹. В дальнейшем Н.И. Никитин выступил против противопоставления вольной и правительственной колонизации. С его точки зрения, они шли параллельно, причем роль в ней «государевых людей» была чрезвычайно велика². Несмотря на то что взгляды Бахрушина были во многом скорректированы современной наукой, его работы стали толчком к дальнейшим исследованиям проблемы.

Историографы по достоинству оценили заслуги Бахрушина перед сибиреведением. А.М. Дубровский, писал, что монография позволила по-новому взглянуть на сибирскую историю: «Традиционная идея о роли колонизации в истории России приобрела в его работах новый смысл. Заселение Сибири не только порождало новые экономические явления, но и само было порождением хозяйственной жизни страны»³. О.Н. Вилков считал, что для того времени концепция Бахрушина носила явно прогрессивный характер⁴. Проведя историографический анализ сибиреведческого наследия Бахрушина, Н.Г. Башарина сделала вывод о «несостоятельности мнения о преувеличении С.В. Бахрушиным значения промысловой колонизации в присоединении и первоначальном освоении Сибири»⁵. Частично согласился с ней И.Н. Никитин: «Конечно, концепция С.В. Бахрушина упрощала, слишком схематизировала сложный и многогранный процесс первоначального освоения Сибири русскими людьми, но думается, что для раннего этапа колонизации в своей основе она была верной»⁶. Последняя трактовка представляется наиболее точной.

¹ Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII в. М.; Л., 1946; *Он же*. Очерки по истории землевладения Сибири в XVII в. М., 1956 и др.

² Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века. М., 1987. С. 21–22.

³ Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время... С. 67.

⁴ Вилков О.Н. Концепции С.В. Бахрушина и В.И. Шункова о характере первоначального периода заселения и освоения Сибири русскими в конце XVI — начале XVIII в. в оценке советской историографии последних лет // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 72.

⁵ Башарина Н.Г. С.В. Бахрушин как историк Сибири: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 1982. С. 13.

⁶ Никитин Н.И. История Сибири в трудах С.В. Бахрушина // Проблемы социально-экономической истории России: (К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента С.В. Бахрушина). М., 1984. С. 46.

К этим мнениям остается только присоединиться, хотя необходимо добавить, что ракурс исследования, предложенный Бахрушиным, возник не на пустом месте. В Московской исторической школе в данный период наблюдается смещение интереса от правительственной колонизации к вольной. Причем последней отдается приоритет в освоении территории России. Такая позиция проявилась в работах Готье, который отошел от своей первоначальной точки зрения о главенствующем значении роли государства в освоении юга, а также в работах Веселовского и Яковлева. Даже в работах традиционного сторонника правительственной колонизации М.К. Любавского произошли изменения в сторону признания приоритета вольной колонизации¹. В этом смысле работы Бахрушина по истории Сибири, где освоение этого региона рассматривается не как процесс завоевания, а как процесс вольного освоения, органично вписываются в эту тенденцию. Впрочем, надо отметить, что некоторые современные исследователи считают, что значение вольной колонизации региона было сильно преувеличено. Так, историк В.Д. Пузанов, проанализировавший роль военного фактора колонизации, считает: «Без участия Русского государства, в лучшем случае, вольная колонизация могла бы привести к образованию нескольких русских поселений на севере Сибири, имеющих торговое и промысловое значение. Южные и центральные части Западной Сибири остались бы в этом случае совершенно без русского влияния»². Таким образом, можно констатировать, что вопрос о колонизации русскими Сибири продолжает сохранять свою спорность и актуальность.

Статьи и книги по истории Сибири поставили Бахрушина в ряды наиболее авторитетных историков страны. Но это заслуженное положение в скором времени было перечеркнуто начавшимися репрессиями.

3. Обобщающие работы Ю.В. Готье и С.Б. Веселовского

Значительное место в творчестве историков «старой школы» стали занимать научно-популярные и обобщающие работы. Так, Готье считал, что в сложившихся условиях нормальными исследованиями заниматься нельзя, поэтому надо сосредоточиться на осмыслении того, что уже было наработано. По такому же пути пошел и Веселовский.

¹ Дегтярев А.Я., Иванов Ю.Ф., Карев Д.В. Академик М.К. Любавский и его наследие // Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. М., 1996. С. 45.

² Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI — начало XVIII в.): Автореф. дисс. ... д-ра истор. наук. М., 2010. С. 36.